

ОТ АВТОРА

Повесть «Рывок в неведомое» — продолжение и окончание книги «Мальчишка-командир», которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1987 году и посвящена боевой юности Аркадия Петровича Голикова, будущего писателя Аркадия Петровича Гайдара.

«Рывок в неведомое» рассказывает о самом драматическом эпизоде «обыкновенной биографии» Голикова, когда он получил назначение в Хакасию, в Енисейскую губернию (теперь это Красноярский край). Тут причинял много бед небольшой «белопартизанский отряд» под командой Ивана Соловьева.

До Голикова в борьбе с Соловьевым потерпели поражение многие опытные командиры.

Посылая в начале 1922 года в Хакасию Голикова, командование ЧОНА в Москве и в Красноярске возлагало надежды на незаурядность Голикова, его образованность и великолепные аналитические способности. Дальнейшие события показали: выбор был сделан правильно.

Приехав на место, Голиков быстро понял и сообщил в штаб ЧОНА губернии, что непобедимость и неуловимость Ивана Соловьева объясняется прежде всего тем, что «император тайги» ведет психологическую войну и пользуется психологическими методами воздействия на противника и местное население.

Это было важное открытие. В отличие от своих незадачливых предшественников, Голиков был готов к ведению такой войны. Но, помимо объективных трудностей, ему стало чинить помехи... непосредственное начальство. Кого-то раздражали смелость мышления, отсутствие чиновничества и беззаветная личная храбрость восемнадцатилетнего Аркадия Петровича Голикова.

Эта повесть была уже написана, когда всплыл важный документ. Из него явствует: командование 6-го Сибсводотряда, которому подчинялся Голиков, вместо повседневной помощи начальнику 2-го боевого района неумолимо слало на него доносы в Красноярск.

И Голиков очутился меж двух огней. С одной

стороны, его ежечасно держал в напряжении своими «психологическими методами» Иван Соловьев. А с другой — не унималось «родное» начальство. Дело не ограничивалось моральным воздействием. Вот лишь один пример.

На боерайон в десять тысяч квадратных километров Голиков имел всего 126 бойцов. Понимая, что этого недостаточно, Аркадий Петрович попросил налетний период пополнение — 80 человек. Ему дали — восемь. Между тем соседний «конкурирующий» боеучасток имел 305 кавалеристов, и Соловьев там появлялся несравненно реже. Нехватка людей создала на 2-м боеучастке добавочные трудности. Чем обернулась для Голикова «психологическая война» на два фронта, вы узнаете из повести.

Трагично и другое. В Хакасии в смертельном многомесячном поединке столкнулись два ярких самородка — Аркадий Голиков и Иван Соловьев, которые на первых порах по-человечески даже симпатизировали друг другу.

Соловьев был потомственным казаком, Голиков — внуком крепостного. Голиков мечтал о «светлом царстве социализма», Соловьев был согласен на социализм, лишь бы ему, Соловьеву, не мешали крестьянствовать. Обмануты оказались оба.

Соловьев стал жертвой политических авантюристов (имена их неизвестны до сих пор). Намереваясь оторвать Хакасию от Советской России, эти авантюристы умело и быстро превратили неприятельного землепашца во врага Советской власти, а затем и в «вожака народного восстания». Что касается местной Советской власти, то она своим бездействием и безразличием позволила состояться и беззаконию, и превращению маленькой банды в большой отряд, что привело к гибели сотен людей и разорению богатейшего края.

Обстоятельный рассказ о поединке Голикова и Соловьева оказался возможен потому, что еще в 60-х годах автор записал на магнитофон воспоминания многих участников и свидетелей тех событий. Очень помогли и недавно рассекреченные документы.

Вас ждет не легкое, не развлекательное чтение. Но история Голикова и Соловьева поучительна. Она показывает: мы все зависим от происходящих вокруг

событий. Однако и события в немалой степени зависят от каждого из нас.

Давайте же учиться не быть щепками в потоке, сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам, а если достанет душевных и физических сил, то и подчинять их себе.

О том, как можно стать сильнее обстоятельств, рассказано в последней части книги, когда Голиков один, без поддержки, без средств, преодолевая болезнь, совершил свой первый «рывок» в литературу.

часть первая

ГОЛИКОВ ПРОТИВ СОЛОВЬЕВА

НАЗНАЧЕНИЕ

Голиков остановился на тротуаре, с удовольствием глядя на московскую привокзальную суету. Мимо него спешили носильщики в белых фартуках с медными бляхами на груди, обвешанные узлами, фанерными чемоданами и двухпудовыми мешками. Рядом, встревоженные, что носильщик сбежит со всем багажом, семенили владельцы чемоданов и мешков — обвязанные платками бабы, мужики в лохматых шапках и полушубках, худые женщины в шляпах и поистершихся пальто.

Нервно трезвоня, подкатил к переполненной остановке трамвай. К нему кинулась толпа. Могучий, с длинной гривой тяжеловоз, похожий на богатырского коня с картины Васнецова, протащил платформу на автомобильных колесах, заваленную пустыми селедочными бочками: от них по всей площади пошел густой пряный запах. Обгоняя подводу, важно проплыл, блестя свежей краской, автобус. У задней его двери, неизвестно за что держась, висела гроздь пассажиров. Голиков проводил машину глазами. О том, что в Москве появились купленные за границей автобусы, сообщили все газеты. Это была потрясающая новость.

Голиков три месяца находился в отъезде. Захотелось сдать на хранение заплечный мешок и чемодан, где-нибудь поесть и пройти пешком по городу. Но сначала нужно было закончить дела.

Отыскав свободную пролетку, Аркадий Петрович поставил между облучком и сиденьем вещи, плюхнулся на кожаное сиденье и сказал вознице:

— В штаб ЧОНа.

Возница, бритый мужик лет пятидесяти в буденовке и австрийской шинели, повернулся на облучке и с сомнением посмотрел на седока. Последнее время в столице развелось много аферистов. Они выдавали себя за сотрудников ЧК или за агентов уголовного розыска, нанимали на целый день экипажи, увозили на них «реквизированное» и «арестованных». А честных извозчиков, членов профсоюза, таскали потом по судам — как свидетелей, а то и как соучастников. И возница на всякий случай внимательно оглядел седока.

Он был высок, в папахе, в новой командирской

шинели и начищенных сапогах. Командирская сумка, пристегнутая к португее, легкая шашка с позолоченным эфесом, пистолет в кобуре. Вроде большой начальник. А лицо детское, мальчишеское. Видно, что еще ни разу не брился. Уши слегка оттопырены, будто его часто за них драли. И неизвестно, чему улыбается. Для командира, подумал возница, подозрительно молод, а на уркагана с Мещанских улиц все же не похож. И, продолжая сомневаться, тяжело вздохнув, тронул вожжи.

Голиков же улыбался тому, что он опять в Москве и приехал учиться. Еще служа на Тамбовщине, он узнал из газеты, что в столице открылась Академия Генерального штаба. Аркадий Петрович сразу туда написал. Ему ответили, что в академию будут принимать командиров Красной Армии, которые прослужили не менее двух лет, участвовали в боях и получили рекомендацию от своего командования.

А Голиков к тому моменту провоевал уже почти три года, пройдя путь от адъютанта-порученца до командира полка. Когда бои на Тамбовщине закончились, Аркадий Петрович отпросился на учебу. Командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский подписал ему аттестацию.

В Москве Голиков поселился на Воздвиженке, в общежитии при академии. Первые двое суток он отсыпался. На третьи вышел в город — пройтись, чтобы потом надолго сесть за книги для сдачи вступительных экзаменов.

Возвратясь с прогулки, Аркадий Петрович нашел в дверях записку: «Тов. Голиков, немедленно зайдите в учебную часть». Там ему показали письмо:

РСФСР

Начальнику Академии Генерального штаба

Штаб ЧОП

20 августа 1921

Прошу откомандировать в мое распоряжение числящегося при вверенной Вам Академии бывшего командующего войсками 5-го боевого участка Тамбовской губернии тов. Голикова Аркадия для назначения на соответствующую командную должность.

Начальник штаба Кангелари*.^[1]

В тот же вечер Голиков уехал в Башкирию, где, опасались, готовится новый мятеж. Но все обошлось. И вот Аркадий Петрович вернулся в столицу, озабоченный тем, как будет с учебой. Занятия в академии начались, но ему обещали: штаб ЧОНа окажет содействие, чтобы он, Голиков, не потерял год.

Признаться, Голиков здорово устал, однако отдыха не предвиделось.

Отчет о своей работе в Башкирии Аркадий Петрович давно отослал телеграфом и спешил сейчас в штаб ЧОНа Республики, потому что ему твердо по телеграфу же обещали: он получит ходатайство о зачислении в академию вольнослушателем «до сдачи вступительных экзаменов в рабочем порядке». По расчетам Голикова, сегодня всех дел в штабе было на пятнадцать минут.

Вот почему, выскочив из пролетки у знакомого подъезда, он не отпустил извозчика, чтобы тут же ехать в академию.

В гардеробе на первом этаже Голиков оставил шинель и папаху и, позванивая шпорами, поднялся в управление кадров.

Начальник управления был занят, а молодой, с нагловатыми глазками сотрудник сказал, что никакой заготовленной бумаги у него нет, по есть распоряжение: как только появится комполка Голиков, немедленно направить его в приемную — Голикова желает видеть командующий войсками ЧОНа Республики товарищ Александров.

Что Александр Константинович Александров теперь командовал всеми войсками ЧОНа, обрадовало Аркадия Петровича.

Минувшей зимой, когда Аркадий Петрович учился в Высшей стрелковой школе (сокращенно ее называли «Выстрел»), Александров заметил его на учениях. Александр Константинович в ту пору заведовал военным отделом ЦК партии. Став через короткое время командующим Орловским военным округом, Александров настоял на досрочном выпуске Голикова и пятидесяти других слушателей и увез их с собой. В Воронеже Александров назначил семнадцатилетнего Голикова командиром 23-го полка, который насчитывал без малого четыре тысячи бойцов.

Аркадий Петрович поднялся в приемную, которая

была полна народу. Все стулья были заняты, и несколько человек еще стояли.

— Товарищ, вы записаны? — озабоченно спросил адъютант.

— Нет, — ответил Голиков.

— В таком случае Александр Константинович не сможет вас принять. Вы по какому делу?

— Не знаю. Мне передали, что Александр Константинович желает меня видеть.

— Как ваша фамилия?.. Голиков?! Одну минуточку.

Адъютант скрылся в кабинете, дверь которого молниеносно распахнулась. Стремительно вышел Александров. Все встали. Следом за командующим появились адъютант и прихрамывающий командир с кожаной папкой в руке.

Александров сразу отыскал глазами Голикова, который стоял посреди комнаты, приблизился, обнял, а потом сказал посетителям:

— Товарищи, извините, комполка Голиков прибыл по неотложному делу, — и увел в кабинет. — Как вы, Аркадий, выросли! — заметил Александров, показывая на глубокое кресло и садясь напротив. — Как вам живется?

— Спасибо, хорошо. Приехал поступать в Академию Генштаба.

— Знаю. Я внимательно следил за вашей работой. Читал ваши рапорты. Мне было приятно, когда в разговоре со мной вас похвалил Тухачевский. Он предсказывает вам большое будущее.

Голиков почувствовал, что краснеет.

— Нечего краснеть. Человек вы способный. И о вашем будущем мы позаботимся. А теперь, извините, о деле. Как вы знаете, мы согласились послать вас на учебу. И хотя в этом году прием уже закончен, мы бы сумели договориться с начальником академии, — Александров улыбнулся, — им только что назначен Михаил Николаевич Тухачевский... Но у нас, Аркадий Петрович, к вам большая просьба. В Енисейской губернии не дает житья некий Иван Соловьев. Он величает себя «императором тайги». И не удастся с ним справиться. Это, пожалуй, последний очаг гражданской войны в стране. Не согласились бы вы нам помочь?

— А велико ли войско у этого «императора тайги»?

— Да сабель пятьсот. Не больше.

— Хорошо. Только бы снова не опоздать в академию.

— Не беспокойтесь. На этот раз отзовем вовремя — к началу занятий. А теперь не задерживайтесь. В Ужуре вас очень ждут.

— Могу я по дороге заехать домой, в Арзамас?

— Что за вопрос? Конечно. Двух суток вам хватит?

В гардеробе Голиков натянул шинель и с папашой в руке вышел на улицу. Армейская служба приучила его ко многим внезапным переменам. Но такого еще не было. Вместо учебы в Академии Генерального штаба, балета в Большом театре, Третьяковской галереи и книг, которые он собирался прочитать в Румянцевской библиотеке, он должен был ехать в какой-то Ужур.

Перемена, которая оказалась для Голикова внезапной, на самом деле готовилась тщательно и давно.

Иван Соловьев уже два года терроризировал немалую часть громадной Енисейской губернии. Было очевидно, что привычные «силовые приемы» в борьбе с «императором тайги» не подходили. Требовались другие методы. Но какие — никто сказать не мог. Нужен был человек, способный во всем разобраться на месте.

Тут телеграммой из Уфы о себе напомнил Голиков. Снова были подняты его документы. В последней характеристике говорилось, что Голиков А. П., 17 лет, член РКП (б) и РКСМ, служит в Красной Армии с осени 1918 года. Закончил две военные школы (с сокращенным курсом обучения) в Киеве и Москве. Командовал взводом, полуротой, ротой, батальоном, полком, исполнял обязанности командующего боевым участком. Был дважды ранен и дважды контужен. Обладает высокой работоспособностью, смелостью, а также находчивостью и самостоятельностью при подготовке и проведении боевых операций.

В документе особо отмечалось, что, командуя на Тамбовщине 58-м отдельным полком и целым боевым районом, Голиков проявил не только отвагу, но и неожиданный подход в разъяснительной работе с населением, которое по разным причинам поддерживало бандитов. В результате шесть с лишним тысяч антоновцев добровольно вышли из леса и сложили оружие. При этом большинство из них

пожелало служить в Красной Армии.

И пока Голиков сдавал дела в Башкирии, листал по вечерам учебники, тряся в поезде, его кандидатура была со всех сторон рассмотрена, одобрена и утверждена. Оставалось получить только согласие самого Голикова. Это взял на себя Александров.

...Лишь только Аркадий Петрович вышел на улицу, дернув вожжи, свистнув кнутом, подкатил давешний извозчик на пролетке. Аркадий Петрович о нем забыл, хотя оставил в коляске свои вещи.

Голиков опустился на холодное продавленное сиденье.

— Куда прикажете? — спросил извозчик. — В гостиницу или сперва в Сандуновские бани? — Для него уже было очевидно, что седок, несмотря на молодость, достался солидный.

— Обрато на вокзал, — ответил Голиков.

У ХОЛОДНОГО ОЧАГА

Морозным январским утром 1922 года Аркадий Петрович подошел к родному дому на Новоplotинной улице в Арзамасе. Он поправил на плечо увесистый мешок с пайком, полученным в расчете на долгую дорогу, и перехватил в другую руку обшарпанный чемодан — тот самый, с которым уезжал отсюда в ноябре восемнадцатого.

Из старых вещей в чемодане остался лишь синий истрепавшийся томик Гоголя. Аркадий Петрович знал его наизусть, но продолжал возить с собой как память о доме.

Голиков остановился перед крыльцом. Сердце его колотилось неистово: ведь он не был здесь почти два года.

Миновав холодные сени, Аркадий Петрович открыл дверь в прихожую. Дом выглядел пустым.

Кинув чемодан и мешок, Голиков заглянул в столовую. Комната была чисто прибрана, только в ней стало поразительно мало вещей. Исчезли фарфоровые и бронзовые статуэтки, за стеклом в буфете уже не поблескивали серебряные подстаканники, сахарница и вазочки для конфет. Видимо, все ушло на базар, в обмен на продукты.

Голиков легонько толкнул дверь в комнату сестер. В кресле со спицами в руках сидела тетя Даша. Рядом с ней на кровати расположились Катя с Олей, а совершенно взрослая Талка — Наташа, опершись локтями на стол, читала вслух «Вешние воды» Тургенева.

Первой Голикова увидела тетя Даша. Она перестала вязать, хотела произнести слово — и не смогла. Слезы полились по ее худым и морщинистым щекам. Девочки, недоумевая, обернулись в сторону двери, увидели брата, но не завизжали, как в прошлый раз, когда он явился на костылях и они напугались, что он без ног, а молча поднялись, не спеша приблизились, обняли в шесть рук и уткнулись ему в грудь лицами.

Только тут сдавленный стон вырвался из теткиной груди. Кинув на пол вязанье, она бросилась к племяннику, прижалась щекой к его щеке. Девочки и тетка внезапно и дружно заплакали. И комполка Голиков, неловко обхватив их всех, почувствовал, что

плачет тоже, и стал подряд целовать Талку, Олю, Катюшку, тетю Дашу, удивляясь бледности их осунувшихся лиц.

«Они же голодные!» И он кинулся в прихожую к своему мешку, будто еще минута — и они умрут от голода.

Голиков вытряхнул на кухонный стол буханки хлеба, банки с консервами, сало, несколько соленых рыбин, крупу, сахар и даже махорку, которую можно было обменять.

За ужином тетя Даша подбрасывала из своей тарелки то слабенькой Оле, то младшенькой Кате, но Голиков заставил поест и тетю Дашу, обещав, что отправится утром к военному коменданту и получит что-нибудь еще.

После чая они впятером уселись в столовой на диване. Голиков очутился в центре. Талка обхватила его правую руку, младшие цепко держали левую, тетя Даша сидела и вязала в углу дивана. И Аркадий Петрович вдруг понял, что еще ушло из дому, кроме статуэток и серебряных подстаканников, — не стало уюта и семейного тепла, потому что не было мамы.

Наталья Аркадьевна уехала по партмобилизации в Киргизию, в Пржевальск. Там она заведовала отделом здравоохранения и одновременно была секретарем уездно-городского ревкома. В Киргизии в ту пору шла борьба с басмачами. И Голикову было трудно представить: их мама, которую он чаще всего видел в белом медицинском халате, ездит верхом с наганом на поясе и, по всей вероятности, ей приходится стрелять...

И хотя мама присылала из Пржевальска посылки, равно как и отец из Сибири, но шли посылки по многу месяцев, часто терялись и существенно улучшить положение девочек и тети Даши не могли.

Уезжая на другой день из дома, Голиков оставил весь свой паек. В дороге, надеялся он, военные коменданты его накормят. И еще он отдал тетке свое новое обмундирование. Тетя Даша сопротивлялась, но Аркадий Петрович уговорил ее продать или обменять сапоги, галифе и френч на съестное. Кроме того, оставил немного денег. Больше он пока ничем не мог им помочь.

Единственное, что обрадовало Голикова дома, —

он узнал, что отец служит теперь в Иркутске...

ВСТРЕЧА

Голиков нежно любил мать, но боготворил отца. Это отец впервые объяснил ему, что такое благородство и низость, отвага и трусость, честь и позор. Отец впервые заговорил с ним и о политике.

Однажды, когда Аркадий был совсем маленьким, они с отцом отправились на прогулку. Разговор у них зашел о «каторжной Сибири». Отец мягко заметил:

— В Сибири много хороших людей. Во всяком случае, много больше, чем в Арзамасе. — И, увидев недоумение на лице сына, пояснил: — Уже не первое столетие в Сибирь ссылают самые лучшие и благородные умы России. Ссылают вместе с уголовниками, как бы приравнивая к разбойникам с большой дороги.

Аркадий знал: с отцом он может говорить обо всем на свете. Если что-то случалось и другие мальчишки бледнели от одной только мысли, что узнают родители, Аркадий, дождавшись вечера, все неторопливо и обстоятельно рассказывал отцу. Это не всегда было приятно, хотя отец никогда не кричал и не ставил в угол. Наказанием служило то, что отец бывал им недоволен. И как об очень тяжком испытании Голиков вспоминал, что однажды здорово провинился и отец не разговаривал с ним целое воскресенье.

Когда в августе 1914 года Петра Исидоровича забрали в армию, Аркадий сильно без него скучал и поздней осенью сбежал к отцу на фронт, но по дороге его перехватили и вернули.

Попав в 1919 году на фронт сам, Аркадий в трудные минуты вспоминал прежде всего отца, которого так недоставало все это время. А встретиться не удавалось.

В Иркутске лишь под вечер Голиков отыскал на запасных путях штабной вагон. Петр Исидорович был теперь военным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции 5-й армии.

Созданная по указанию В. И. Ленина, Рабоче-крестьянская инспекция призвана была навести порядок во всех сферах управления. Ее сотрудники были наделены громадными полномочиями.

Часовой у вагона проверил документы Аркадия Петровича, удивился совпадению фамилий. Пришлось объяснить. Голиков поднялся по ступеням, прошел по узкому коридору. Половину вагона занимали купе,

а вторая половина была переделана в кабинет. Здесь за письменным столом, при свете единственной свечи, работал человек.

В вагоне стоял холод. Человек сидел в шинели, но без шапки. Голова его была наголо обрита. На лице темнели густые брови и широкие усы.

Когда Аркадий Петрович остановился метрах в двух от стола, человек, печатая одним пальцем на ундервуде, не подымая глаз, попросил:

— Минуточку.

От звука его голоса Аркадий Петрович вздрогнул.

Он дословно помнил все письма отца, сколько их пришло с 1914 года, видел отца на присланных с передовой фотографиях: сначала как бы напуганного, вытянувшегося по стойке «смирно», в бескозырке блином; потом уже уверенного, обстрелянного, во франтоватой фуражке слегка набекрень, с чуть насмешливым выражением красивого и смелого, на войне помолодевшего лица. По отцовского голоса Аркадий не слышал уже несколько лет.

И одно-единственное слово, произнесенное Петром Исидоровичем, всколыхнуло так много давнего, солнечного и счастливого, что Голиков не пожелал больше ждать ни секунды.

— Папочка, — с жалобными, детскими интонациями произнес он, будто в мгновение ока возвращаясь на много лет назад.

— Что вы сказали?! — Петр Исидорович резко поднял голову.

Он всматривался в полутьму вагона, где стоял высокий молодой командир, в котором было что-то очень знакомое и родное, но Петр Исидорович уже десятки раз ошибался, принимая за сына совершенно чужих людей.

Они виделись в последний раз четыре года назад, когда Аркадий приезжал к нему в Пензу: полк находился на переформировании. Тогда Аркадий был еще ребенком, школьником. Даже на фотографии, которую Петру Исидоровичу переслали из дома, Аркадий, хотя и снялся в военной форме с пистолетом и кортиком, выглядел подростком, который вырядился в чужой костюм. А сейчас в полутьме вагона стоял высокий широкоплечий мужчина.

Словно опасаясь в очередной раз ошибиться, Петр

Исидорович взял увесистый подсвечник со свечой и подошел к Аркадию Петровичу. Уже но сомневаясь, что перед ним сын, Петр Исидорович несколько мгновений жадно рассматривал его.

— Аркашенька, — наконец тихо произнес он и выпустил из рук светильник, который гулко стукнулся о железный пол. Свеча погасла.

Уже в полной темноте они стремительно обняли друг друга и замерли. И простояли бы, наверное, так очень долго, если бы, светя карманным фонарем, не вбежал часовой. Он услышал встревоживший его стук.

— Ничего, Ведеркин, все в порядке, — смущенно сказал Петр Исидорович. — Понимаешь, сыночек приехал.

Ведеркин деловито поднял подсвечник, зажег свечу, поставил на стол и деликатно удалился.

Отец и сын просидели в купе за самоваром до утра. Отец был полон нежности и заботы.

— Нога после ранения у тебя не болит? — спрашивал он. — Контузия не дает о себе знать? Контузия — вещь опасная. Снаружи ничего не видно, а человек не находит себе места. А как у тебя с теплыми вещами?.. Вот обожди, нам выдали. — И достал комплект трофейного шерстяного белья.

Наверное, потому, что он впервые видел сына взрослым и не успел привыкнуть к этому, Петр Исидорович разговаривал с ним так, будто Аркадий еще оставался маленьким. Петр Исидорович сознавал нелепость такого обращения, а поделать ничего с собой не мог. И Аркадий Петрович по этому поводу снисходительно улыбался.

— За семь с половиной лет, что я служу в армии, — сказал Петр Исидорович, подкладывая сыну тушеное мясо с картошкой, — я потерял и молодость, и здоровье, и дорогих мне товарищей, вместе с которыми начинал воевать еще в германскую. Но самая главная моя потеря, что я прожил эти годы без вас, не видел, как рос ты и девочки. Если бы мне позволили, я бы отправился с тобой утром в Ужур. Я бы согласился служить при тебе писарем, только бы нам не разлучаться. Но пока мое прошение дойдет до начальства и вернется обратно, тебе уже пора будет ехать в академию.

...Думая на расстоянии об отце, Аркадий Петрович представлял себя маленьким, а отца большим,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru